

Александр Поворот

Реки

Последний эфир

Александр Поворот Реки

Последний эфир

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Последний эфир / А. Поворот Реки — «Автор», 2026

Октябрь 1998 года. Эпоха кассетников, кожаных косух и безнадёги. Семнадцатилетний Костя и двое его друзей — аутсайдеры, которые крутят гранж и кроют матом серую реальность на волнах своей кустарной радиостанции «Фантом». Они думали, что просто играют в бунтарей. Пока однажды их собранный из мусора передатчик не поймал сквозь белый шум искаженный голос. Голос, передающий экстренные выпуски новостей. Из завтрашнего дня. Сначала это казалось жутким приколом. Но когда химзавод на окраине сгорает точно по расписанию из радиоэфира, а рейсовый автобус падает с моста, становится не до шуток. У них есть всего сутки. Как отменить катастрофу, если каждое твоё действие — это часть временной петли, ведущей к пожару? Чтобы спасти любимую и весь город, Косте придется перестать прятаться за микрофоном и выйти в реальный мир, где пули ранят по-настоящему. Кнопка «Play» нажата. Обратный отсчет пошел. Не переключай волну, если хочешь дожить до утра.

© Поворот Реки А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Поворот Реки

Последний эфир

Глава 1

Кровь отвратительно отмывается от поролоновой ветрозащиты микрофона. Если честно, она вообще не отмывается. Засыхает ржавой коркой, делая поролон жестким, и когда ты говоришь прямо в мембрану, на губах остается металлический привкус.

Я знаю это, потому что прямо сейчас прижимаюсь разбитым ртом к микрофону «Октава», а по моему подбородку стекает теплая, липкая капля.

— Вы слушаете «Радио Фантом», частота сто и четыре и пять, — шепчу я. Голос дрожит, и я сглатываю, чтобы не закашляться. Ребро, по которому мне съездили арматурой полчаса назад, пульсирует острой болью при каждом вдохе. — И если вы думаете, что это очередной пранк... если вы, как и вчера, собираетесь просто переключить волну на кассету с «Руки Вверх» или «Prodigy»... не делайте этого. Клянусь, если вы сейчас выключите приемник, завтра вы будете мертвы.

За тяжелой железной дверью радиорубки — бывшей щитовой на заброшенном заводе железобетонных изделий — раздается глухой, методичный удар. Потом еще один. Металл жалобно лязгает. Петли осыпают бетонный пол веером ржавой трухи. Они уже здесь. Те, кто не оставляет следов. Те, кто стирает людей из реальности так же легко, как Славик стирал магнитной головкой неудачные записи на кассетах.

Я смотрю на свои дрожащие пальцы. В левой руке я сжимаю стандартную аудиокассету TDK C-90. Пластиковый корпус треснул, когда я падал на пожарной лестнице, но пленка цела. Эта пленка — мой смертный приговор. И одновременно — единственный шанс спасти этот проклятый город. На ней записан голос. Голос, который мы поймали сегодня ночью. Голос из послезавтрашнего дня, который в деталях рассказывает, как именно сгорит наша школа вместе со всеми, кто придет на осеннюю дискотеку.

Удар. Еще удар. Лом скрежещет в щели между косяком и дверью.

— Давай же, Костя, думай, — шепчу я себе под нос, лихорадочно щелкая тумблерами на пульте. Красный светодиод с надписью «В ЭФИРЕ» равнодушно пялится на меня, как налитый кровью глаз.

Внутренности скручивает от животного ужаса. Инстинкт самосохранения орет благим матом: вырубь аппаратуру, брось кассету, сдайся. Если я открою дверь и отдам им эту чертову кассету с магнитной лентой, может быть, они просто сломают мне обе руки. Может быть, оставят в живых. Но стоит мне нажать кнопку «Play» на деке — и пути назад не будет. Как только город услышит этот эфир, начнется паника, которую они так пытаются предотвратить. И тогда я точно труп.

Но если я промолчу... Лера умрет. Лера прямо сейчас там, в актовом зале школы, вешает дурацкие гирлянды из фольги и смеется, надувая пузыри из жвачки. Она не верит мне. Никто не верит.

Как мы вообще до этого докатились?

Всего три недели назад главной проблемой в моей жизни было то, как достать новые аккумуляторы для нашего кустарного передатчика. Шел октябрь тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Страна захлебывалась в кризисе, взрослые хмуро курили на кухнях, считая обесценившиеся миллионы, а мы... мы играли в богов эфира.

Наш штаб находился здесь, под самой крышей заброшенного ЖБИ. Славик, наш гениальный технарь, помешанный на микросхемах и ходивший в растянутой футболке с Куртом

Кобейном, спаял передатчик буквально из мусора и деталей, украденных из кабинета физики. Лера, с ее вечной кожаной косухой и подведенными черным карандашом глазами, отвечала за музыку и дерзкие подводки. А я был голосом. Диджеем «Котом». Мы крутили гранж, альтернативу и несли в эфир всякую подростковую чушь про свободу, бунт и то, как нас достала серая реальность этого мертвого индустриального городка.

Мы думали, что мы вне системы. Думали, что контролируем волны.

Пока волны не начали контролировать нас.

Это случилось в ночь на четырнадцатое октября. Шел мерзкий, косой дождь. Славик тогда притащил какой-то старый советский военный усилитель — серый металлический ящик с тугими ручками-крутилками, который он выменял на радиорынке за две пиратские кассеты с играми для «Денди» и блок «Сникерсов».

— Сейчас мы накроем сигналом не только наш район, но и соседний город! — хвастался он, припаивая провода. В воздухе пахло канифолью и дешевым растворимым кофе.

Лера тогда сидела на старом диване, закинув ноги в тяжелых «гриндерсах» на стол, и красила ногти черным лаком.

— Смотри не спали нам хату, Тесла недоделанный, — хмыкнула она.

Славик щелкнул рубильником. Лампы на усилителе вспыхнули желтым, трансформатор загудел так, что у меня заныли зубы. А потом аппаратура сошла с ума.

Вместо привычного ровного шипения белого шума из колонок-мониторов рванул такой визг, что Лера выронила лак. Звук был физически плотным, он давил на барабанные перепонки, как вода на глубине. Я бросился к пульта, чтобы убрать громкость фейдерами, но они не реагировали.

И тут сквозь треск статики прорвался голос.

Он был искаженным, механическим, словно пропущенным через воду, но интонации... интонации были до одури живыми. Человеческими. Наполненными чистым, неподдельным ужасом.

«...повторяю, экстренный выпуск... пожар на химическом складе в промзоне... улица Строителей перекрыта... число жертв возросло до семнадцати... токсичное облако движется к центру города... оставайтесь в укрытиях... повторяю, сегодня, шестнадцатого октября...»

Мы замерли. Все трое. Я помню, как расширились зрачки Леры, как повисла в воздухе рука Славика с зажатым паяльником.

— Какого хрена? — выдавил я. — Какое шестнадцатое октября? Сегодня четырнадцатое.

— Кто-то влез на нашу частоту, — пробормотал Славик, лихорадочно крутя настройки. — Радиолюбители, наверное. Прикалываются. Перехватили сигнал и гонят какую-то радиопостановку.

Мы записали этот эфир на кассету чисто смеха ради. Лера даже выдала в микрофон издевательскую тираду про «очень страшные сказки на ночь». Мы посмеялись, выпили остывший кофе, покурили в открытую форточку, глядя на мокрые крыши нашего унылого города, и разошлись по домам.

А через два дня, шестнадцатого октября, в три часа дня над промзоной поднялся черный, густой столб дыма. Химический склад на улице Строителей сгорел. Семнадцать человек, работавших в ночную смену, задохнулись в ангаре, у которого заклинило автоматические ворота. Токсичное облако накрыло центр, и занятия в школах отменили.

Всё до последнего слова совпало с тем, что мы слышали.

Сначала мы пытались убедить себя, что это совпадение. Что радиолюбитель просто знал о готовящемся поджоге. Мы пытались цепляться за логику, потому что альтернатива была слишком безумной, чтобы в нее поверить. Но на следующей неделе Славик снова включил тот усилитель. И мы поймали новый эфир.

На этот раз голос рассказывал о крушении рейсового автобуса «Икарус» на мосту. Мы записали сообщение. И мы попытались это остановить. Мы дозвонились в дежурную часть с таксофона, мы кричали в трубку, что автобус свалится в реку. Дежурный мент послал нас матом и положил трубку.

На следующий день автобус пробил ограждение. Погибло восемь человек.

Мы стали проводниками смерти. Радистами на тонущем корабле, которые слышат сводки из будущего, но ничего не могут изменить. Мы поняли, что пространство вокруг нас искривилось. Тот советский усилитель, прикрученный к кустарному передатчику, каким-то образом ловил волны, которые еще не были излучены. Мы слушали эхо катастроф, которые только собирались произойти.

Но самое страшное началось, когда мы решили выдать эти предсказания в прямой эфир.

Я хотел предупредить людей. Хотел спасти их. Мы пустили в ротацию запись о грядущем обвале крыши в местном супермаркете. Никто не прислушался. Взрослые считали нас ублюдками, которые ради хайпа играют на человеческих трагедиях. Местная пресса разразилась статьями о «больных подростках», которые либо причастны к терактам, либо обладают невероятной наглостью.

А потом нами заинтересовались «они».

Я не знаю, кто они такие. Спецслужбы? Бандиты, которые делают деньги на инсайдерской информации? Или какая-то правительственная теневая структура из тех самых девяностых, где люди исчезают в безымянных могилах в лесополосе? Они не показывали удостоверений. Вчера они просто забрали Славика. Прямо посреди бела дня, у дверей радиокружка. Черная «Волга» без номеров, визг тормозов — и нашего друга больше нет. Ни звонка с требованием выкупа, ни требований. Только тишина.

А сегодня ночью мы с Лерой поймали последнюю запись.

Очередной удар в дверь вырывает меня из воспоминаний. Помещение содрогается. С потолка, прямо на микшерный пульт, сыплется белая штукатурка, похожая на перхоть мертвеца. Верхняя петля тяжелой стальной двери лопается со звонким, почти музыкальным звуком. В образовавшуюся щель пробивается тусклый свет из коридора и просовывается черное дуло пистолета с накрученным глушителем.

— Открывай, пацан, — раздается из-за двери спокойный, бесцветный голос. В нем нет злости. Только абсолютная, ледяная уверенность хищника, загнавшего добычу в угол. — Тебе конец. Отдай кассету, и мы сделаем это быстро. Не заставляй нас пачкать здесь всё.

Я смотрю на кассету в своей руке. На ней куском белого пластыря наклеена бирка. Корявым почерком Славика, еще до того, как он исчез, там написано маркером: «СМЕРТЬ. 23 ОКТЯБРЯ».

Сегодня 22-е.

На этой пленке голос — на этот раз мой собственный голос, сорванный, постаревший на тысячу лет — кричит о том, как кто-то заблокировал двери в школе номер четыре во время дискотеки. Кричит о запахе бензина. О том, как плавился линолеум, и как дети давили друг друга в темноте, пытаясь выбраться через узкие окна раздевалки на первом этаже. Триста трупов. Включая Леру.

Они хотят забрать эту пленку, потому что именно они — те, кто стоит за дверью — устроят этот пожар завтра. Им нужно, чтобы никто не знал. Им нужно, чтобы будущее осталось неизменным.

Дверь жалобно скрипит, поддаваясь под напором монтировки. Металл гнется. В образовавшуюся щель я вижу часть лица — пустые, мертвые глаза человека в черной кожаной куртке.

Внутри меня идет война. Оглушительная, разрывающая на части. Я обычный семнадцатилетний пацан. Я хочу жить. Я хочу поступить в институт, хочу набраться смелости и поцело-

вать Леру, хочу дождаться нового альбома Radiohead. Я до одури, до тошноты боюсь умереть здесь, на грязном полу, от пули в живот.

Но если я отдам им пленку — я убью всех.

Если я запущу ее в эфир сейчас, на максимальной мощности... весь город услышит. Родители заберут детей. Школа будет пуста. Будущее сломается, как ломается сейчас эта чертова дверь.

Я сжимаю челюсти так, что солоноватый вкус крови на языке становится невыносимым.

— Вы слушаете «Радио Фантом», — громко, перекрывая скрежет рвущегося металла, говорю я в микрофон. Мой голос больше не дрожит. — Я — Кот. И это наш последний эфир. Запомните каждое слово, которое сейчас прозвучит. Потому что это не шутка. Это ваше завтра.

Дверь с грохотом срывается с нижней петли и с лязгом падает внутрь рубки, поднимая облако цементной пыли. В проеме вырастают две темные фигуры. Они поднимают оружие.

Я не смотрю на них. Я смотрю только на кнопку «Play».

И с силой вбиваю по ней кулаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.